

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ ПО МУЗЕОЛОГИИ

Международный комитет по музеологии (ИКОФОМ) был основан в 1976 г. и стал третьим крупнейшим профильным комитетом при Международном совете музеев (ИКОМ). Он может рассматриваться в качестве центральной площадки для международных дискуссий по вопросам музеологии. Членами ИКОФОМ являются члены ИКОМ. Однако участие в его работе не ограничивается формальными критериями членства в совете или самом комитете. Комитет всегда стремился к тому, чтобы в его работе активно участвовали и сторонние специалисты. Таким образом, фактически мы можем выделить две категории тех, кто принимает участие в его деятельности: 1) члены ИКОФОМ как таковые и 2) участники его работы в целом. На основании качественного и количественного анализа данных, связанных с той и другой категориями, попытаемся определить профессиональный контекст, в котором проходят международные дискуссии по музеологии.

Предыстория ИКОФОМ

Две ярких личности оказали влияние на судьбу комитета. Это были два его первых председателя: Ян Елинек и Винош Софка. Биография и профессиональная деятельность

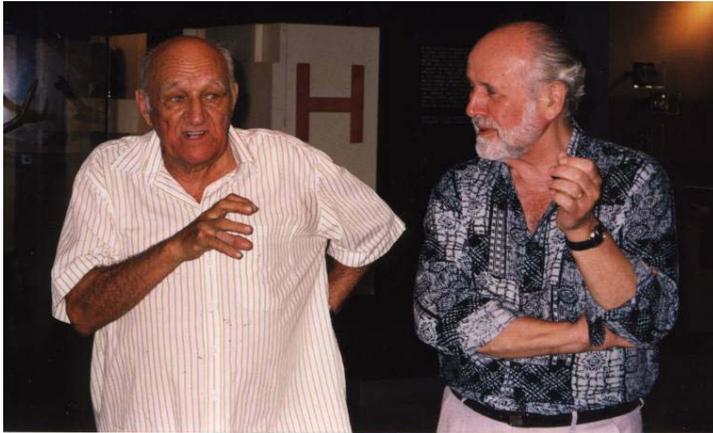

Рис. 3. Ян Елинек и Винош Софка (фото П. ван Мениша, 1999 г.)

обоих были связаны с чешским городом Брно. Любопытно отметить, что Брно с начала 1960-х гг. и до настоящего времени играет особую роль в истории ИКОФОМ и музеологии.

В 1951 г. Я. Елинек (род. в 1926 г., в 1949 г. закончил университет Брно с дипломом по антропологии) был назначен куратором Моравского музея¹. В 1958 г. он стал директором

этого музея². На этой должности он приложил огромные усилия, чтобы превратить некогда забытый провинциальный музей в по-настоящему научный и образовательный институт³. Он начал широкомасштабную программу реконструкции музейных зданий и инициировал создание новых музейных отделов. Так, например, при нем был создан

¹ Краткую биографию см.: Novotny, V. V. 1986. Текст первой части главы основывается на материалах подробного интервью с Я. Елинеком 31 июля 1989 г. См. также: Stránský, Z. Z. 1989.

² Я. Елинек оставил пост директора Моравского музея в 1971 г., но сохранил за собой место куратора «Антропоса».

³ См.: Jelínek, J. 1964. В этой статье Я. Елинек развивает две свои любимые темы: научные исследования в музее и мульти- и междисциплинарность музейной работы. См. также: Jelínek, J. 1969, где он пишет: «С помощью подобной комплексной работы целой команды в музее можно добиться более сложной и менее конвенциональной точки зрения».

«Антропос» – центр, объединяющий в себе музей и исследовательский институт, посвященный изучению на мультидисциплинарной основе периода плейстоцена. Фактически являясь филиалом Моравского музея, он был открыт в специально построенном здании в 1964 г. Для лучшего понимания жизни человека эпохи плейстоцена здесь в единое целое соединены были физическая и культурная антропология, палеонтология и геология (Jelinek 1969). Как отмечал В. Новотный, у подобного проекта комплексного исследования данного периода не было никаких предшественников (Novotny 1986: vi).

Благодаря такому инновационному подходу, очень скоро работа Я. Елинека начала привлекать внимание не только специалистов в области палеоантропологии, но и мировой музейной общественности. Его первые музеологические работы были посвящены концепции «Антропоса», в них он объяснял применявшийся в музее мультидисциплинарный подход⁴. Среди тех, кто проявил интерес к этому проекту, был и Жорж Анри Ривьер, посетивший Моравский музей в 1964 г. Этот визит повлиял на музеологические идеи самого Ж. А. Ривьера, в конечном счете, сформировавшиеся в концепцию экомuzeя. Именно Ж. А. Ривьер пригласил Я. Елинека вступить в ИКОМ, где, вскоре после визита французского музеолога, Я. Елинеку предложили возглавить Международный комитет региональных музеев. В 1965 г. он был избран председателем Консультативного комитета ИКОМ, а в 1971 г. – президентом совета, и занимал эту должность два срока, вплоть до 1977 г.

Став директором Моравского музея, Я. Елинек столкнулся с серьезной проблемой: у сотрудников отсутствовало единство мнений относительно будущей политики музея. Кураторы музея чувствовали себя скорее научными работниками, чем сотрудниками музея, и это заставило Я. Елинека обратиться к двум вопросам: 1) в чем сущность музейной профессии? 2) в чем сущность научного исследования в музейном контексте?⁵ Важность этих вопросов подвигла его к двум начинаниям: во-первых, создать отдел музеологии в Моравском музее; во-вторых, способствовать (вос)созданию кафедры музеологии при брненском университете им. Я. Е. Пуркине. Перед отделом, созданным в 1962 г., стояли две основных задачи. Во-первых, он должен был разрабатывать теоретические основы деятельности самого Моравского музея, и, во-вторых, помогать прочим музеям региона. Став членом Ученого совета университета, Я. Елинек и там способствовал созданию кафедры музеологии⁶. Кафедра, созданная в 1963 г., должна была готовить будущих музейных работников. Это была первая в послевоенной Европе возможность получить подобное образование в высшем учебном заведении⁷. Первоначально курсами там руководил сам Я. Елинек, но вскоре его ассистентом стал Збынек Странский (из Праги). С 1964 г. именно на плечи З. Странского легла вся ответственность за работу музеологических отделений и музея и университета⁸.

⁴ 'Proc Anthropos [Why Anthropos]?'// Almanach vlastivedne prace MM v Brne 1961; 'La Musee Anthropos a Brno'// L'Anthropologie 66, 1962, (3-4) : 406-408.

⁵ Любопытно отметить, что в то же самое время эти же вопросы поднимались в США в нескольких статьях, опубликованных в журнале «Музейные новости» («Museum News») (см. главу 9). По его собственным словам, Я. Елинек в то время ничего не знал об этих дискуссиях американских музейных работников.

⁶ Лекции по музеологии начали читаться в университете Брно еще в 1922 г. Эту программу возглавлял тогдашний директор Моравского музея Ярослав Гельферт. Курсы проводились в 1922 – 1939 гг. и в 1946 – 1948 гг. (Stránský 1982, Stránský 1990, Schneider 1985).

⁷ Кафедра была создана в декабре 1963 г. (Pernicka 1985: 71). В. Новотный (Novotny 1986) ошибочно упоминает 1964 г. как год ее основания.

⁸ Эта «персональная уния» продолжалась до 1989 г., когда З. Странский ушел из музея, сконцентри-

Будучи председателем Консультативного комитета, а затем и президентом ИКОМ, Я. Елинек убедился, что проблемы, с которыми ему пришлось столкнуться в своем музее, актуальны и для всего ИКОМ. Между различными профильными комитетами, число которых постоянно увеличивалось, было мало взаимопонимания. Споры о создании специальных комитетов, посвященных литературным музеям и египтологии, побудили его предложить создать комитет по музеологии, который выполнял бы функции своеобразного «сознания» ИКОМ. В июне 1976 г. предложение было одобрено Консультативным комитетом, после чего поступило на рассмотрение Исполнительного совета⁹.

Задачи нового комитета определялись в документе, названном «Создание нового международного комитета по музеологии»: «Каждая область профессиональной деятельности (и не в последнюю очередь – музеология) должна изучаться, развиваться и приспособляться к изменяющимся условиям современности. Целями Международного комитета по музеологии ИКОМ должны стать распространение знаний о современных музеологических идеях и помощь в различных областях музеологического развития»¹⁰.

Исполнительный совет решил создать рабочую группу, которая бы смогла в срок до следующей Генеральной конференции ИКОМ определить основные контуры будущего комитета. Встреча участников группы состоялась в марте 1977 г. в Брно¹¹. На 34-й сессии Консультативного комитета (в мае 1977 г.) отчет этой группы был одобрен и ИКОФОМ был признан новым международным комитетом¹². Его председателем стал Я. Елинек, оставивший пост президента ИКОМ¹³. В тот момент комитет состоял из 13 членов¹⁴.

Первый период: 1977 – 1982 гг.

Оформление административной структуры и научного облика комитета потребовало некоторого времени¹⁵. Большинство документов имело окказиональный характер. Первый важный документ («Правила») отличался краткостью и в самых общих чертах определял цели комитета как:

- утверждение музеологии в качестве научной дисциплины;
- изучение и помощь в развитии музеев и музейной профессии, изучение их роли в жизни общества, их деятельности и функций;
- поддержка критического анализа основных направлений в области музеологии¹⁶.

Первая трехгодичная программа комитета строилась вокруг трех следующих вопросов: 1) научное исследование в музее; 2) связи между руководящими органами, другими

ровавшимся на преподавании в университете и руководстве основанной им в 1987 г. Международной летней школой по музеологии.

⁹ ‘Minutes of the 38th session of the Executive Council’, ICOM News 29, 1976, (1/2): 40.

¹⁰ Документ № 76/AD.3, цит. по: Sofka 1983.

¹¹ ICOM News 30, 1977, (2/3): 86.

¹² ‘Minutes of the 33rd session of the Advisory Committee’, ICOM News 30, 1977, (2/3): 65.

¹³ По мнению В. Клаузевица «этот новый комитет ИКОМ по музеологии изначально имел также и определенные политические функции, связанные с защитой уходящего со своего поста президента ИКОМ. В условиях глубоких перемен, происходивших в его стране, руководство новым международным комитетом гарантировало ему и в дальнейшем сохранение определенной политической независимости» (Auer ed., 1989: 26).

¹⁴ ICOM News 30, 1977, (2/3): 86.

¹⁵ Время формирования комитета описано и проанализировано в двух работах В. Софки (Sofka 1983; Sofka 1989).

¹⁶ Принято в 1979 г., опубликовано: Museological News (3): 20-21.

источниками финансирования и музеями; 3) связи между музеями и другими учреждениями культуры¹⁷. Первый вопрос стал темой первой ежегодной встречи ИКОФОМ в Варшаве в 1978 г. Выбор темы отражал многолетний интерес Я. Елинека к вопросу о существенных чертах исследования, характерного именно для музея¹⁸. Неудивительно, что и тема второй ежегодной встречи ИКОФОМ (в 1979 г. в Торджиано) отвечала его интересам: мультидисциплинарность и междисциплинарность в музейной работе.

Я. Елинек был скорее практиком, чем философом. Темы, выбранные для первой трехгодичной программы, стали следствием его практических взглядов. Однако тема третьей встречи (Мехико, 1980) способствовала смене перспектив в сторону «метамузеологического» уровня, т.к. была сформулирована как «Систематики и системы в музеологии». Трехгодичная программа на 1980 – 1983 гг. предполагала обсуждение комитетом четырех тем: 1) отбор музейных предметов и создание коллекций; 2) музеология и ее применение в музеях различного профиля; 3) музеология и связи с общественностью; 4) системы музеологии¹⁹. В итоге, обсудить удалось лишь последнюю тему (в Париже в 1982 г.).

В сентябре 1979 г. в Лестере состоялась встреча Международного комитета по подготовке персонала (ИКТОП). От имени ИКОФОМ с отчетом о первой встрече недавно созданного комитета на ней выступил Винош Софка. Реакция на его сообщение была неоднозначной. Как ни странно, крайне негативно отреагировал на новость Ж. А. Ривьер. Другим критиком был Гиляам Дусе, первый директор недавно основанной Академии им. К. Рейнварга (Амстердам). Они оба представляли довольно многочисленную группу членов ИКТОП с подозрением отнесшихся к содержанию работы и идеологической ориентации ИКОФОМ. Многие членов

Рис. 4. Справа налево: Ж. А. Ривьер, П. ван Мени, П. ван дер Хейде во время встречи ИКОФОМ в Париже в 1982 г. (Фото Ф. Шотена)

ИКТОП настораживало то, что в составе ИКОФОМ было значительное число музеологов из Восточной Европы. На совместной встрече двух комитетов в 1983 г. эти опасения озвучил член ИКТОП Дж. Э. Баркоу (Bursaw 1983). Несмотря на эти сомнения, а иногда даже враждебность, ИКОФОМ и ИКТОП организовали две совместные

¹⁷ ICOM News 30, 1977, (2/3): 86.

¹⁸ В 1968 г. он говорил об этом на Восьмой Генеральной конференции ИКОМ (Jelinek 1970). Во время его председательства эта тема обсуждалась также и Международным комитетом региональных музеев (Grenoble 1971). Даже в 1989 г. он с большим жаром говорил на эту тему в лекции для студентов Международной летней школы в Брно.

¹⁹ Museological News (1): 3.

встречи (в 1983 и 1984 гг.). Многие обладающие правом голоса члены ИКОФОМ принимают участие в работе ИКТОП и наоборот.

Можно сказать, что после 1979 г. Я. Елинек в той или иной степени утратил контроль над работой комитета. Отчасти это было связано с тем, что его интерес к этой деятельности упал. В конце карьеры он хотел сконцентрироваться в первую очередь на своей научной работе (антропологии). Другой причиной стали проблемы со здоровьем, заставлявшие определять приоритеты. Главной причиной, однако, было отсутствие поддержки со стороны властей Чехословакии. Из-за позиции, проявленной им в 1968 г., и высказывавшихся тогда суждений, ему пришлось уйти с должности директора Моравского музея. Став президентом ИКОМ, он смог продолжить свою международную деятельность. Конец президентства означал и конец этой деятельности, т.к. никаких иных источников финансовой поддержки у него не оставалось.

Третья ежегодная встреча комитета (в Мехико, в 1980 г.) закончилась хаосом. Состоялось лишь несколько из запланированных докладов. Ж. А. Ривьер всячески пытался утвердить собственный подход к пониманию музеологии²⁰. Из-за отсутствия активного руководителя комитет не смог встретиться в 1981 г. Встреча в Париже в 1982 г. вновь носила несколько хаотичный характер. Как и в Мехико Ж. А. Ривьер пытался манипулировать происходящим. Работой комитета на встрече руководил В. Софка, т.к. Я. Елинек не смог прибыть в Париж²¹. Главной проблемой был статус экомузеев и так называемой «новой музеологии». В качестве компромисса решили во время следующей встречи (в Лондоне в 1983 г.) провести два симпозиума: один о методологии музеологии (совместно с ИКТОП), а второй – о экомузеях.

Второй период: 1983 – 1989 гг.

На ежегодной встрече в Лондоне в 1983 г. новым председателем комитета был избран Винош Софка. В. Софка (род. в 1929 г., в 1952 г. окончил юридический факультет Пражского университета) с 1956 по 1968 гг. был заместителем директора Института археологии Чехословацкой Академии наук (Брно). В 1968 г. ему пришлось эмигрировать. После этого он работал в стокгольмском Музее национальных древностей сначала как глава экспозиционного отдела, затем как глава отдела управления и администрации и, наконец, как глава отдела музейного развития²². Я. Елинек и В. Софка познакомились еще в Брно, и Я. Елинек видел в В. Софке как раз такого организатора-энтузиаста, который и требовался комитету.

За два срока, проведенные на посту председателя, В. Софка сумел выработать такой образ действий, который стал характерным для ИКОФОМ в дальнейшем, и, во многом, послужил основой его неожиданного успеха. Он базировался на трех взаимосвязанных симпозиумах и активной издательской деятельности. Базовым документом комитета стали «Цели и политика ИКОФОМ», исходя из которых, была сформулирована «Долгосрочная программа». На каждые три года «Долгосрочная программа» предполагала «Трехгодич-

²⁰ Сам Я. Елинек определял открытую оппозицию со стороны ИКОМ по отношению к работе комитета как «бойкот».

²¹ Я. Елинек заявил о своей отставке в письме, опубликованном в: *Museological News* (3): 15-16. В. Софку попросили до выборов 1983 г. принять на себя обязанности и.о. председателя.

²² Данные из его биографии, опубликованной в: *ICOM News* 41, 1988, (4): 9, а также из многочисленных бесед.

ную программу». Два этих ключевых документа обсуждались и, в конечном итоге, были приняты на встрече в Буэнос-Айресе в 1986 г.

«Долгосрочная программа» перечисляла следующие способы, с помощью которых предполагалось осуществлять установки, содержащиеся в «Целях и политике ИКОФОМ»: симпозиумы, лекции, семинары, публикации и музеологические выставки. Ядро деятельности – ежегодный симпозиум, рассматривающийся как место для прямых дискуссий и дебатов по различным вопросам музеологии. В дополнении к нему могут организовываться лекции, предполагающие использование уникальных возможностей, предлагаемых участникам симпозиума страной-хозяйкой и ее учреждениями. На практике эта идея была реализована в форме семинаров, т.е. встреч, на которых несколько приглашенных докладчиков излагали свои идеи и взгляды по тому или иному вопросу, а затем следовало их обсуждение и дискуссия.

1984	семинар «Музеи в обществе и их роль в культурной политике страны: на примере Нидерландов» (совместно с ИКТОП)
1985	программа лекций о «новой музеологии»
1986	семинар «Культурная политика, музеи и музеология в Латинской Америке» (совместно с латиноамериканскими национальными комитетами ИКОМ и региональным секретариатом ИКОМ)
1987	1) семинар «Культурная политика, наследие, музеи и музеология в Финляндии»; 2) семинар «Культурная политика, наследие, музеи и музеология в Швеции»; 3) семинар «Музеология необходима»; 4) семинар «Документационные центры национальных музеев – основа международного сотрудничества музеев в области документации»
1988	семинар «Наследие, музеи, музеология и культурная политика Индии»
1989	1) семинар «ИКОФОМ в 1976 – 1988 гг.: оценка достижений»; 2) семинар «Динамичное сохранение» (совместно с рабочей группой Теории и истории реставрации Международного комитета по консервации ИКОМ); 3) семинар «Региональные музеи как творцы культуры» (совместно с Международным комитетом региональных музеев); 4) семинар «Музеология и сохранение ландшафта»

Особая форма деятельности, отмеченная в долгосрочной программе, – это семинар-мастерская по музеологии ИКОФОМ (ICOFOM Museology Workshop). В 1986 г. первый международный семинар-мастерская был организован комитетом совместно с Национальным советом музеев ГДР (см. ниже). Кроме того, в программе отмечалась возможность проведения региональных семинаров-мастерских, предполагавших встречи на местном уровне, которые бы могли способствовать активизации работы членов комитета. Упомянулась и возможность проведения музеологических выставок, которые должны были давать обзор важнейших мировых публикаций по музеологии. Во время Генеральных конференций ИКОМ в 1986 и 1989 гг. такие выставки были организованы, хотя и без непосредственного участия комитета.

В конце второго периода своего существования ИКОФОМ сумел стать общепризнанной международной платформой для теоретических дискуссий. В то же время и за самой музеологией был признан статус академической дисциплины. Множество симпозиумов и семинаров, а также публикаций, осуществленных по их итогам, стали полезным матери-

алом для реализации трех направлений работы комитета, отмеченных в его «Правилах». Хотя распространение подготовленных материалов носило ограниченный характер, они все равно оказывали стимулирующее воздействие на развитие музеологической мысли. Распространению идей, порожденных комитетом, способствовало и частое приглашение его ключевых членов к участию в многочисленных встречах, посвященных теории музеологии, которые устраивали различные национальные и международные организации. Количество таких встреч в 1988 г. позволило В. Софке заявить о настоящем «музеологическом буме 1988 г.» и констатировать, что «1988 г. стал годом прорыва в музеологии»²³. После десяти лет существования комитет, кажется, достиг положения, в котором его цели начали осуществляться с новой энергией.

Встречи

Основная работа комитета концентрировалась на ежегодных симпозиумах. Темы этих симпозиумов определялись «Долгосрочной программой» и обычно формулировались на встрече, проходившей во время очередной Генеральной конференции ИКОМ²⁴. На встрече 1983 г. была выработана модель, предложившая структуру следующих симпозиумов, посвященных взаимосвязи трех ключевых концептов «общество – предмет – музей»²⁵. В рамках этих параметров предстояло определить конкретные темы. Модель использовалась с 1983 по 1986 гг., но уже на следующий трехгодичный период была отвергнута (хотя формально продолжала присутствовать в трехгодичной программе)²⁶:

1984 г. (Лейден) – «Коллекционируя сегодня для завтрашнего дня» (связь между предметом и обществом)

1985 г. (Загреб) – «Подлинники и воспроизведения в музеях» (связь между предметом и музеем)

1986 г. (Буэнос-Айрес) – «Музеология и идентичность» (связь между музеем и обществом)

1987 г. (Эспоо) – «Музеология и музеи»

1988 г. (Хайдарабад) – «Музеология и развивающиеся страны»

1989 г. (Гаага) – «Прогнозирование – инструмент музеологии?»

²³ Circular letter, 1.03.1988. См. также: Sofka 1989: 62; Sofka 1992: 21.

²⁴ Примерно за год до самого симпозиума небольшая рабочая группа при консультации с председателем разрабатывала будущую тему и предлагала структуру ее обсуждения, выделяя ряд подтем. Обычно одного из членов этой группы просили написать «провокационный доклад», своеобразное введение к теме. Затем ко всем членам комитета (и другим заинтересованным лицам) обращались с предложением присылать соответствующие тематике доклады. Доклады распространялись среди участников, которых просили их комментировать. Основные доклады и комментарии публиковались в «Серии исследований ИКОФОМ» и становились материалом для дискуссий на самом симпозиуме. Кто-то из членов комитета должен был суммировать все представленные материалы. Этот доклад обычно и становился отправной точкой для общей дискуссии. Благодаря такой процедуре, появлялись тексты разного жанра: введение (в котором председатель объяснял тему симпозиума, подтемы и рабочую процедуру), провокационный доклад, основные доклады, комментарии и анализ/заключение. Протоколы дискуссий не велись, вместо этого руководителей дискуссии или тех, кто должен был подводить итоги, просили сформулировать некое заключение. К сожалению, тексты этих заключений никогда не публиковались.

²⁵ Предложена Р. Каррильо. См.: *Museological News* (12): 80.

²⁶ Темы симпозиумов 1988 и 1989 гг. уже были в числе рекомендованных для дискуссии в программе на 1983 – 1986 гг. См.: *Museological News* (5): 21.

По предложению Национального совета музеев ГДР в Берлине и Альт-Шверине 16 – 22 мая 1986 г. был проведен семинар-мастерская по музеологии. К участию в нем были приглашены 15 специалистов из 13 стран. 10 из них были членами совета ИКОФОМ²⁷. Целью семинара было завершить обсуждение темы, выбранной для первого выпуска «Рабочих бумаг по музеологии» («Museological Working Papers»): «Музеология – наука или область практической деятельности?». Кроме того, обсуждались статьи, представленные на встречи ИКОФОМ и опубликованные как «Серия исследований ИКОФОМ» («ICOFOM Study Series»)²⁸. Участники семинара пришли к выводу, что среди специалистов все еще отсутствует единство мнений относительно сущности, целей и необходимого направления развития музеологии как научной дисциплины. Была предпринята попытка охарактеризовать основные подходы к решению этой проблемы. Эта работа легла в основу анализа, предлагаемого в четвертой главе данного исследования²⁹.

Второй подобный семинар-мастерская так и не был организован. Для того чтобы выработать некоторую структуру, которая позволила бы оценить проведенную комитетом работу, были собраны два других семинара: «Музеология необходима» в 1987 г. и «ИКОФОМ в 1976 – 1988 гг.: оценка достижений» в 1989 г. Доклады, представленные на эти семинары, были опубликованы в «Новостях музеологии» («Museological News») и стали доступны всем членам комитета.

Публикации

Хотя дискуссии и не всегда приводили к удовлетворительным результатам, выпуски «Серии исследований ИКОФОМ» составили реальное доказательство академического потенциала комитета. Множество статей оказались настоящими золотыми жилами, которые сохраняли свою ценность и вне контекста конкретного симпозиума, для которого были написаны. Их включают в списки литературы по различным образовательным программам, связанным с музееведением, переводят и публикуют на других языках.

Выпуск	Тема
ISS 1	Методология музеологии и профессиональная подготовка (1983 г.)
ISS 2	Музей – территория – общество (1983 г.)
ISS 3	Приложение (1983 г.)

²⁷ Матильда Беллаге (Франция), Росарио Каррильо (Испания), Нелли Декарolis (Аргентина), Андре Девалье (Франция), Войцех Глузинский (Польша), Андреас Гроте (ФРГ), Вили Тофт Йенсен (Дания), Петер ван Менш (Нидерланды), Клаус Шрайнер (ГДР), Винош Софка (Швеция), Томислав Шола (Югославия), Джудит Шпильбауер (США), Збынек Странский (Чехословакия) и Соитиро Цурута (Япония).

²⁸ Рабочий метод был предложен З. Странским. Хотя это предложение и исходило от одного из тех авторов, взгляды которых, собственно, и предполагалось изучать (и, следовательно, отражало высказывавшиеся им представления о содержании музеологии), оно было взято за основу анализа. В ходе дискуссии стало понятно, что такой формат подходит отнюдь не для всех обсуждаемых авторов. Только немногие из них могли считаться «тотальными музеологами», изучающими всю совокупность музеологических вопросов. Большинство составляли «музеологи ad hoc», рассматривавшие в своих работах лишь какой-нибудь один аспект музеологии. Поэтому вместо того, чтобы попытаться сформулировать позиции различных авторов с помощью мультивариантного анализа (как предлагал Б. Делош), решили ограничиться составлением перечня различных взглядов.

²⁹ Ни материалы, полученные в ходе подготовки к семинару, ни его итоговое заключение так и не были опубликованы.

ISS 4	Приложение 2 (1983 г.)
ISS 5	Приложение 3 (1983 г.)
ISS 6	Коллекционируя сегодня для завтрашнего дня (1984 г.)
ISS 7	Коллекционируя сегодня для завтрашнего дня, комментарии (1984 г.)
ISS 8	Подлинники и воспроизведения в музеях (1985 г.)
ISS 9	Подлинники и воспроизведения в музеях, комментарии (1985 г.)
ISS 10	Музеология и идентичность (1986 г.)
ISS 11	Музеология и идентичность, комментарии (1986 г.)
ISS 12	Музеология и музеи (1987 г.)
ISS 13	Музеология и музеи, комментарии (1987 г.)
ISS 14	Музеология и развивающиеся страны (1988 г.)
ISS 15	Музеология и развивающиеся страны (1988 г.)
ISS 16	Прогнозирование – инструмент музеологии? (1989 г.)

Первый выпуск «Новостей музеологии» («Museological News») (MN) был опубликован в мае 1981 г. Его редакторами стали секретарь комитета Андре Девалье и помощник секретаря Жерар Турпин. После выхода в свет первых двух номеров, ответственность за издание принял на себя В. Софка. Объем издания возрос с 12 страниц (№ 2) до 45 страниц (№ 3), достигнув своего максимума в 1988 г. (№ 11) с 287 страницами. Начиная с № 9 «Новости» стали выходить не раз в два года, как было раньше, а каждый год. У этого бюллетеня были две основных задачи. Во-первых (и в основных) информировать членов комитета о вопросах административного характера. Постепенно (начиная с № 9) в него стали включать доклады, связанные с темами очередных встреч. Большинство материалов, представленных на семинарах ИКОФОМ, были опубликованы именно в «Новостях музеологии».

Предполагалось, что главным печатным органом комитета станет серия «Рабочие бумаги по музеологии» (MuWoP). История этой амбициозной инициативы хорошо документирована на страницах самого журнала, а также в «Новостях музеологии» серией предложений, отчетов и проч.³⁰ На встрече комитета в 1978 г. была сформирована редакционная коллегия³¹. Результатом ее работы стала публикация первого выпуска MuWoP в 1980 г. Журнал должен был стать открытым форумом для обсуждения фундаментальных проблем музеологии. Первый выпуск был посвящен теме, которая на протяжении нескольких лет активно обсуждалась и на встречах комитета и за его пределами: является ли музеология научной дисциплиной? Секретарям всех национальных и профильных комитетов ИКОМ было направлено письмо с предложением принять участие в обсуждении этой темы³².

Из-за отсутствия финансирования издание остановилось после второго выпуска. Множество интересных материалов так и остались неопубликованными, т.к. предполагалось

³⁰ MuWoP (1): 56-67; MuWoP (2): 92-98; MN (4): 34; MN (5): 34-37; MN (6): 42-43.

³¹ В нее вошли: В. Софка (председатель), В. Клаузевиц и А. М. Разгон. Г. Диесснер отказался войти в состав коллегии. Позднее к ней присоединились Р. Киан и А. Гроте. После выборов 1980 г. рабочую группу составляли В. Софка, Я. Елинек и Ж. Турпин.

³² В ответ на это обращение было получено 15 статей. MuWoP 2, опубликованные в 1981 г., включали 8 статей по теме первого номера журнала и 15 по новой теме «Междисциплинарность в музеологии». Доклады, представленные на симпозиум ИКОФОМ 1980 г., также были опубликованы в MuWoP 2.

включить в MuWoP итоговые отчеты всех встреч ИКОФОМ. В дальнейшем, соответствующие материалы стали публиковаться в «Новостях музеологии» (отсюда и увеличение его объема). Публикация MuWoP была остановлена, и все внимание комитета оказалось направлено на издание «Серии исследований ИКОФОМ» (ISS). Однако это издание распространялось только среди авторов и участников соответствующего симпозиума, поэтому было малодоступным. На примере распространения ISS хорошо видна главная дилемма работы комитета. Предполагалось, что научная работа ИКОФОМ создаст основу для открытого обмена идеями. Каждый желающий должен иметь возможность принять участие в обсуждении темы конференции, будь то лично или в письменной форме. Но большая часть материалов конференций не получала широкого распространения. Это мешало смене представлений по тому или иному вопросу от одного симпозиума до другого. Хорошим примером может служить тот факт, что очень немногие авторы в своих статьях ссылаются на материалы, опубликованные в предшествующих выпусках ISS. Более широкое распространение двух выпусков MuWoP подтверждается и более частым их цитированием.

Год	Кол-во авторов, ссылающихся на другие публикации	Кол-во упомянутых работ	Кол-во упомянутых работ, опубликованных ИКОФОМ	Кол-во упомянутых работ, опубликованных другими организациями	Кол-во упомянутых работ, не связанных с музеологией
1983-1	7	37	13	11	13
1983-2	3	9	0	6	3
1984	7	27	3	19	5
1985	8	20	2	13	5
1986	15	129	9	51	69
1987	17	83	18	47	18
1988	16	88	15	40	33
1989	15	119	13	69	37

Табл. № 1. Ссылки на другие публикации у участников симпозиумов ИКОФОМ 1983 – 1989 гг.

ИКОФОМ и новая музеология

Проблемы, возникшие во время встреч в Мехико в 1980 г. и в Париже в 1982 г., были связаны с различными, существовавшими внутри комитета мнениями относительно экомузеев и новой музеологии. Группа членов комитета, во главе с Ж. А. Ривьером, пыталась именно новую музеологию поставить в центр работы ИКОФОМ.

Во время встречи 1983 г. канадский «экомузеолог» Пьер Мейран предложил создать рабочую группу по «общинной музеологии»³³. Недавно избранный совет комитета решил «создавать рабочие группы лишь для решения конкретных задач и не организовывать

³³ На встрече Международного комитета по образовательной и культурной деятельности при ИКОМ в 1976 г. несколько музеологов (таких, как Ю. де Варин и М. Море) решили создать рабочую группу по общинным музеям. План этот не был воплощен в жизнь. Во время конференции ИКОМ в 1980 г. эти идеи вновь стали предметом обсуждения. Действия Ж. А. Ривьера и П. Мейрана на встречах ИКОФОМ в 1982 и 1983 гг. могут рассматриваться, как очередная попытка реализовать эту инициативу. (Перс. ком. М. Море).

никаких постоянно действующих групп, посвященных тем или иным проблемам музеологических исследований»³⁴. Более того, было отмечено, что «в ситуации, когда принципиальные вопросы самой музеологии, как таковой, все еще остаются предметом дискуссий и оправданность существования музеологии, – а значит и ИКОФОМ, – ставится под сомнение, создание рабочих групп по отдельным проблемам музеологии, а особенно по другим «музеологиям» может привести не только к распылению и без того ограниченных человеческих ресурсов, но, прежде всего, к помехам в работе всего комитета». Тем не менее, П. Мейрана попросили сформировать временную рабочую группу для подготовки специальной сессии по экомузеям и новой музеологии в рамках встречи ИКОФОМ в 1984 г., которая должна была пройти в Канаде.

Встреча ИКОФОМ в Канаде в 1984 г. так и не состоялась³⁵. Временной группе не к чему было готовиться, никаких других начинаний, связанных с комитетом, она также не предпринимала. Вместо этого произошло кое-что другое. Канадские музеологи, разочарованные отсутствием понимания их позиции во время встречи 1983 г. в Лондоне и неудачей с организацией очередной встречи комитета в 1984 г., провели Первый международный семинар по экомузеям и новой музеологии, который состоялся в Квебеке (8 – 13 октября 1984 г.). На этой встрече был принят документ, известный, как «Квебекская декларация» (Mayrand 1986).

Декларация провозглашала желание ее авторов «утвердить организационную основу для совместных размышлений и экспериментов». От ИКОМ требовалось признать необходимость создания нового международного комитета по экомузеям. Предлагалось создание Федерации новой музеологии. Первое требование ИКОМ отверг³⁶. На второй международной встрече этой группы (в Лиссабоне в 1985 г.) было объявлено о создании Международного движения за новую музеологию (МИНОМ), которое ИКОМ, в итоге, признал в качестве аффилированной организации³⁷.

Споры о предложениях П. Мейрана на встрече 1983 г. и создание МИНОМ угрожали недавно обретенной стабильности ИКОФОМ (Sofka 1989: 70). Проблема была не только в создании новой рабочей группы. Как объяснял впоследствии Андре Девалье, на кон было поставлено нечто большее: «... дело осложнялось проблемой языка, а в еще большей степени – проблемой ментальности. Французов поддержали франкоязычные канадцы, бельгийцы, испанцы и, шире, те, кого принято называть представителями латинского мира. Оказалось, что противостоят они ... путем нехитрого вычитания можете сами понять кому. Это проблема цивилизаций? Или политическая проблема? В любом случае, на мой взгляд, это проблема языка. Англофилы просто не понимали франкофонов. Или, точнее, понимали их неверно»³⁸. Тем не менее, такие ключевые фигуры новой музеологии и эколо-

³⁴ 'Report on the constituent meeting of the ICOFOM Executive Board', *Museological News* (5): 17.

³⁵ О главной причине в «Новостях музеологии» не было сказано. Дело в том, что канадские организаторы хотели включить встречу ИКОФОМ в программу Генеральной конференции Канадской музейной ассоциации. Подобный шаг был чреват двумя последствиями, из-за которых совет ИКОФОМ и решил отменить встречу. Во-первых, члены совета опасались, что времени для собственной программы комитета будет недостаточно. Во-вторых, организационный взнос за участие (вместе с оплатой дорогого отеля) получался слишком высоким. См. письма В. Софки П. Мейрану от 6 октября и 10 ноября 1983 г.

³⁶ Executive Council, 3-4 July 1985 (Document 85/Ex.8).

³⁷ Executive Council, 18-19 May 1986 (Document 86/Ex.8).

³⁸ *Museological News* 8: 58-59.

музеологии, как Андре Девалье или Матильда Беллаге остались лояльны по отношению к ИКОФОМ, где занимали видные посты (вице-председателя и секретаря, соответственно). Кроме того, многие основатели МИНОМ оставались членами ИКОФОМ. На протяжении нескольких лет новая музеология и экомузеи фигурировали в числе важнейших обсуждавшихся комитетом тем. Например, все французские авторы, написавшие статьи для симпозиума в Буэнос-Айресе, принадлежали к направлению новой музеологии³⁹. Специальные встречи, посвященные экомузеям, были организованы в связи с конференциями в Лейдене (1984 г.) и Загребе (1985 г.).

Хотя новая музеология обсуждалась на встречах комитета достаточно часто, к ней всегда относились как к одному из возможных подходов, никогда не рассматривая в качестве основной парадигмы. Каждый симпозиум рассматривался в качестве открытого форума для свободного обмена идеями. Итоги никогда не подводились в формате окончательных решений (Sofka 1989: 65)⁴⁰. За исключением случаев, связанных с целями и политикой комитета, ИКОФОМ не публиковал «официальных» деклараций, даже по вопросу о том, что такое сама музеология. Каждое выступление (устное или в форме доклада) рассматривалось самым серьезным образом и учитывалось в готовившихся по итогам встречи аналитических обзорах и резюме. Как писал В. Софка: «Решающий вклад комитета в дело развития музеологии заключается в его собирательской деятельности: он собирает вместе тех, кто работает в музеях, и тех, кто эти музеи изучает, он предлагает форум для международных дискуссий, место для публикации различных идей, связанных с музеологией. Все это ведет к систематическому изучению и углублению нашего понимания вопросов музеологии» (Sofka 1989: 65). Такой подход полностью разделялся всеми участниками работы комитета и определенно способствовал расширению круга вовлеченных в его деятельность лиц⁴¹.

Члены комитета

В августе 1989 г. в комитет входило 606 человек из 73 различных стран⁴². В то же самое время общая численность членов ИКОМ достигала 8 583 человек из 116 стран мира⁴³. Общие контуры состава ИКОФОМ в целом соответствовали составу ИКОМ. Члены ИКОФОМ составляли 7 % от числа членов ИКОМ. Латинская Америка, в целом, опережала эти показатели, причем некоторые страны проявляли еще большую вовлеченность в деятельность комитета. 23 % членов ИКОМ из Латинской Америки были членами ИКОФОМ, при этом численность таковых из Бразилии составляла 40 %.

³⁹ М. Беллаге, Б. Делаш, А. Девалье, М. Эврар, А. Николас и Ю. де Варин.

⁴⁰ По этой причине комитет никогда не обсуждал «Общие тезисы по музеологии» К. Шрайнера (Museological News 8: 49-53), в которых тот попытался предложить общую основу музеологического дискурса. Кроме нежелания со стороны комитета определять единственную официально правильную позицию, дело осложнялось и тем, что «Тезисы», по общему мнению, несли на себе слишком ясный след собственных взглядов самого К. Шрайнера.

⁴¹ См., напр., высказывания Н. Декарolis, В. Форман и Н. Рускони в Museological News 12.

⁴² Данные основаны на списке, выданном секретариатом ИКОМ 30 августа 1989 г. В них включены только активные члены комитета, т.е. те, кто заплатил членские взносы. Кроме того, 102 человека были включены в список не оплативших взнос. Данные, представленные в работе (Van Mensch 1989), учитывают сведения на март 1989 г. и включают как ту, так и другую категорию.

⁴³ Статистические сведения были представлены секретариатом ИКОМ 17 апреля 1989 г. Учитываются только активные члены совета.

Регион	ИКОМ	ИКОФОМ	ИКОФОМ/ИКОМ
Африка	2 %	4 %	14 %
Латинская Америка	7 %	21 %	21 %
Северная Америка	16%	19 %	8 %
Арабские страны	1 %	1 %	9 %
Азия	11 %	7 %	4 %
Восточная Европа	4 %	3 %	5 %
Западная Европа	57 %	45 %	5 %
Океания	2 %	1 %	5 %
Общее число	100 %	100 %	7 %

Табл. № 2. Региональное распределение членов ИКОМ и ИКОФОМ (на 1989 г.)

Приведенные данные показывают доминирование в составе ИКОМ представителей Европы и, так называемого, развитого мира: примерно 61 % (активных) членов совета – европейцы, всего же представители развитого мира составляют 86 % его членов⁴⁴. Учитывая особую роль в развитии теории музеологии представителей бывших социалистических стран Восточной Европы (см. главы 4 – 8), полезно будет провести разделение между социалистической и капиталистической частями развитого мира. Следуя традиционной схеме разделения мира на первый, второй и третий, можно отметить, что 7 072 члена ИКОМ (82 %) – это представители первого мира, 324 члена (4 %) – второго, наконец, 1 187 (4 %) – третьего⁴⁵. В целом, это характерно и для ИКОФОМ, хотя есть и некоторые отличия. ИКОФОМ менее европоцентричен. «Только» 45 % его активных членов – европейцы. Однако, как и в случае с ИКОМ, большинство членов комитета (71 %) – представители развитого мира.

Ограниченное число членов из Восточной Европы в основном было связано с трудностями вступления в национальные комитеты, вызванными контролем над ними со стороны местных правительств и существовавшими в этих странах ограничения на

⁴⁴ Разделение мира на географические и политические регионы – довольно произвольно. Большинство делений основывается на комбинации различных критериев: географических, языковых, политических и проч. ЮНЕСКО для различных целей использует различные деления, собственная система есть у ИКОМ. Например, в «Статистическом ежегоднике ЮНЕСКО» Кипр, Израиль и Турция относятся к Азии, а для ИКОМ – это часть Европы. ЮНЕСКО выделяет Океанию (т.е. Австралию, Новую Зеландию, Папуа – Новую Гвинею и т.д.), а ИКОМ считает ее частью Азии. Арабские страны как отдельное целое фигурируют в материалах ЮНЕСКО, но не ИКОМ. Для ИКОМ Иордания и Ливан – это часть Европы, а другие арабские страны входят в состав Азии или Африки. СССР для ИКОМ – это часть Азии, а для ЮНЕСКО – Европы. Разделение, используемое в данной работе, основывается на системе, принятой в «Статистическом ежегоднике ЮНЕСКО за 1988 г.». Из-за различий в социально-политической структуре, бывшие страны европейской части социалистического лагеря (определяемые как Восточная Европа) отделены от прочих европейских государств (Западная Европа). Кипр, Израиль и Турция включены в состав Азии. В большинстве таблиц Пуэрто-Рико считается частью Латинской Америки, а Гавайи – частью США. В «Статистическом ежегоднике» в число развитых стран включены: Европа, Северная Америка, Австралия, Новая Зеландия, Израиль, Япония и ЮАР. В данной главе к ним присоединена и Югославия. Следует отметить, что работа над данным исследованием была закончена до драматических изменений на политической карте Восточной Европы.

⁴⁵ Первый мир составляют развитые страны (см. прим. 44), во второй входят социалистические государства Восточной Европы, все прочие (развивающиеся) страны формируют третий мир.

валютные операции (Э. Зелл, перс. ком.). Во многих странах, особенно третьего мира, национальные комитеты, судя по всему, руководствовались какими-то собственными критериями при приеме новых членов (В. Софка, перс. ком.). До какой степени эти факторы повлияли на численность ИКОФОМ сказать трудно, но и забывать о них тоже нельзя.

В 1984 г. число активных членов ИКОМ составляло 6 036 человек, к 1989 г. оно выросло до 8 583, фактор роста составил 1.4⁴⁶. Между 1984 и 1986 гг. количество новых членов достигло ранее невиданных масштабов. «Новое поколение» теперь составляло почти 40 % всех членов совета. Между 1986 и 1989 гг. ситуация оставалась более или менее стабильной. А весной 1989 г. был зафиксирован новый всплеск активности⁴⁷. Не проводилось никаких исследований, которые могли бы объяснить желание музейщиков войти в ИКОМ, или их готовность присоединиться к ИКОФОМ. По правилам ИКОМ каждый его член может принимать участие в работе более чем одного международного комитета. Однако только в одном комитете он обладает правом голоса. Выбор такого комитета, следовательно, отражает главную сферу его интересов. С другой стороны, именно члены с правом голоса формируют ядро работы любого комитета. В целом, 41 % членов ИКОФОМ – это члены с правом голоса. Общие географические характеристики этой голосующей части, в общем совпадают с теми, что были отмечены выше. Половина голосов – у представителей Европы.

Говоря об истории комитета, полезным кажется сравнить его состав в 1983 и 1989 гг. В декабре 1983 г. ИКОФОМ насчитывал 113 членов из 40 стран. В абсолютных цифрах первый мир доминировал и в 1983 и в 1989 гг. Сравнительно высокий фактор роста можно увидеть для представителей Латинской и Северной Америки. Рост числа представителей Африки и Восточной Европы остановился. На протяжении всего периода одной из наиболее важных стран, с точки зрения представительства, оставалась Франция. Большое количество членов из Бразилии и Аргентины в 1989 г. может объясняться тем, что сравнительно недавно (в 1986 г.) в этой части света проходила очередная Генеральная конференция ИКОМ (в Буэнос-Айресе).

Регион	Члены совета	Члены комитета с правом голоса	Ч.к.с правом голоса/ч.с.
Африка	4 %	10 (4 %)	45 %
Латинская Америка	21 %	51 (21 %)	41
Северная Америка	19 %	39 (16 %)	35 %
Арабские страны	1 %	4 (2 %)	67 %
Азия	7 %	20 (8 %)	50 %
Восточная Европа	3 %	9 (4 %)	50 %
Западная Европа	45 %	111 (45 %)	41 %
Океания	1 %	4 (2 %)	44 %
Первый мир	68 %	160 (65 %)	39 %

⁴⁶ В то же самое время значительное число членов оставило организацию, так что это данные по чистому росту.

⁴⁷ Как отмечает Э. Зелл это обычное явление для месяцев предшествующих очередной Генеральной конференции ИКОМ. Только часть этих новых членов могла быть включена в расчеты. Это важно помнить при изучении статистических данных.

Второй мир	3 %	9 (4 %)	39 %
Третий мир	29 %	79 (32 %)	45 %
Всего	100 %	248 (100 %)	41 %

Табл. № 3. Сравнение регионального распределения членов ИКОМ и ИКОФОМ (на 1989 г.)

Регион	1983 г.	1989 г.	Фактор роста
Африка	7 (6 %)	22 (4 %)	3.1.
Латинская Америка	13 (11 %)	125 (21 %)	9.6.
Северная Америка	15 (13 %)	113 (19 %)	7.5.
Арабские страны	1 (1 %)	6 (1 %)	6.0.
Азия	8 (7 %)	40 (7 %)	5.0.
Восточная Европа	8 (7 %)	18 (3 %)	2.3.
Западная Европа	59 (52 %)	273 (45 %)	4.6.
Океания	2 (2 %)	9 (1 %)	4.5.
Европа в целом	67 (59 %)	291 (48 %)	4.3.
Первый мир	78 (69 %)	411 (68 %)	5.3.
Второй мир	8 (7 %)	18 (3 %)	2.3.
Третий мир	27 (24 %)	177 (29 %)	6.6.
Всего	113 (100 %)	606 (100 %)	4.2.

Табл. № 4. Сравнение регионального распределения членов ИКОФОМ в 1983 и 1989 гг.

Участие в работе комитета

Совет ИКОФОМ всегда стремился к тому, чтобы как можно большее количество людей принимало участие в симпозиумах комитета. Метод работы комитета основывался на предположении, что мировой интерес к темам симпозиумов будет значительно превосходить возможности членов ИКОФОМ путешествовать и лично принимать участие в его деятельности. Поэтому все члены комитета всегда призывались в случае невозможности личного участия присылать на симпозиумы свои статьи и, тем самым, духом находиться вместе с коллегами. Написать некий текст – значит принять активное участие в работе симпозиума; присутствовать на нем – не всегда означает внести весомый вклад в развитие научной дисциплины (хотя, конечно, для самого участника такое присутствие может быть весьма важным). Принятая комитетом система работы может быть признана успешной, что видно из приведенных ниже цифр. Хотя число участников увеличивается, большая часть из них не может присутствовать на встречах лично. Самое большое количество авторов собиралось на Генеральные конференции ИКОМ (в 1983, 1986 и 1989 гг.).

Год	Кол-во авторов	Кол-во авторов, присутствовавших на встрече
1983-1	21	16 (76 %)
1983-2	15	13 (87 %)
1984	22	13 (59 %)
1985	32	15 (47 %)
1986	48	24 (50 %)
1987	43	20 (46 %)
1988	49	20 (41 %)
1989	43	22 (51 %)

Табл. № 5. Общее кол-во авторов и кол-во авторов лично присутствовавших на встрече за 1983 – 1989 гг.

За 1977 – 1989 гг. 149 разных музеологов из 39 стран представили свои статьи на симпозиумах или на страницах MuWoP. Явный европоцентризм виден и здесь: более половины этих авторов – европейцы. При этом доминирует западный образ мысли: 60 % авторов – это представители Западной Европы, Северной Америки, Израиля, Австралии и Новой Зеландии. Доминирование это, однако, не столь значительно, как можно было бы ожидать, исходя из общих показателей по комитету. Интерес со стороны восточноевропейских музеологов к работе комитета превосходит их возможности стать его членами (3 % членов комитета против 15 % участников), – любопытное наблюдение, в свете изменений произошедших в Восточной Европе в последнее время. Если будет найдена возможность решить финансовые проблемы, можно ожидать увеличения числа членов комитета из Восточной Европы.

Регион	Число членов комитета в 1983 г.	Число участников работы комитета в 1978 – 1982 гг.	Число членов комитета в 1989 г.	Число участников работы комитета в 1983 – 1989 гг.
Африка	6	0	4	5
Латинская Америка	11	5	21	17
Северная Америка	13	20	19	17
Арабские страны	1	2	1	1
Азия	7	2	7	10
Восточная Европа	7	34	3	13
Западная Европа	52	32	45	38
Океания	2	5	1	3
Первый мир	69	60	68	54
Второй мир	7	36	3	13
Третий мир	24	4	29	33

Табл. № 6. Соотношение числа авторов и числа членов ИКОФОМ (в %) за 1977 – 1989 гг.

Если мы сравним показатели по членам комитета и тем, кто принимал участие в его работе, то увидим, что степень вовлеченности в работу ИКОФОМ музеологов из Африки, Латинской Америки и Азии увеличивалась быстрее, чем количество формальных членов из этих регионов. С другой стороны, кажется, что североамериканские музеологии были менее склонны реально принимать участие в деятельности комитета. Доля музеологов из Восточной Европы, вовлеченных в работу ИКОФОМ, падала пропорционально уменьшению числа формальных членов из этих стран. При этом, однако, следует отметить, что количество авторов в абсолютных числах не уменьшалось, – хотя количество авторов из других частей мира росло, их количество из Восточной Европы оставалось примерно постоянным.

Доля музеологов из стран третьего мира резко возросла в 1986 г. и с тех пор оставалась довольно высокой. «Бум» 1986 г. стал результатом конференции в Буэнос-Айресе, которая привлекла к работе комитета новых участников и формальных членов. Хотя большинство этих новых участников и стали постоянными авторами проводимых комитетом симпозиумов, география здесь была ограничена всего двумя странами: Аргентиной и Бразилией. Симпозиум 1988 г., проводившийся в Индии, также привлек новую группу участников. На этот раз только из самой Индии. Участие некоторых из них в работе комитета и в 1989 г. может указывать на продолжающееся участие индийских музеологов в деятельности ИКОФОМ.

«Долгосрочная программа» ИКОФОМ предполагала создание структуры для последовательного, рассчитанного на несколько этапов развития музеологии как академической дисциплины. Однако «демографический анализ» состава комитета ясно показывает некоторые возникающие на этом пути затруднения. С 1983 по 1989 гг. количество членов комитета возросло с 113 до 606 человек. «Только» 46 % тех, кто был членами комитета в 1983 г., продолжали оставаться ими и в 1989 г. Другими словами, 56 % членов комитета 1983 г. оставили его на протяжении следующих 6 лет. То же самое можно сказать и об участниках работы комитета, формально не являющихся его членами. Количество участников растет, но преемственность отсутствует. Обычно примерно половина участников каждый раз – это новые люди, т.е. те, кто впервые принимает участие в деятельности ИКОФОМ. Нередко этот первый раз оказывается и последним. Вероятно, эти люди просто заинтересованы в данной конкретной теме, выбранной для встречи, или же высказаться по ней их пригласили организаторы встречи.

Средний показатель участия, т.е. количества симпозиумов в котором принимал участие данный автор, для первого периода (1977 – 1982 гг.) составлял 1.6; для второго периода (1983 – 1989 гг.) – 2.1. В первый период 66 % авторов лишь раз участвовали в работе комитета; во второй период таковых было 56 %. Только очень небольшое число авторов приняло участие во всех симпозиумах: один в первый период (А. М. Разгон) и три во второй (К. Шрайнер, В. Софка и З. Странский)⁴⁸. В конце второго периода, кажется, заявило о себе новое поколение постоянных участников. Неслучайно, что многие из них латиноа-

⁴⁸ За оба периода комитет обсудил 14 тем (6+8). Из 149 авторов 21 хотя бы по одному разу участвовал в работе комитета и в первый и во второй периоды. По завершении первого периода некоторые из его постоянных участников не вернулись к работе комитета (напр., Я. Елинек или А. М. Разгон). Для обоих окончание первого периода означало и окончание членства в совете ИКОФОМ. В начале второго периода появилась новая группа постоянных участников (напр., М. Беллаге и П. ван Менш). Они были избраны в совет в 1983 г.

мериканцы (из Аргентины и Бразилии). Это отражает все большую вовлеченность представителей этого региона в работу ИКОФОМ.

Следующая таблица показывает примерные контуры профессиональной подготовки участников. Те, кто работал вне сферы, связанной с музеями, при подсчетах не учитывались. В целом они принимали участие в работе комитета не больше одного раза каждый и зачастую по специальному приглашению организаторов. Примерно половина участников работает в музеях, четверть (полностью или по совместительству) связана с преподаванием музейного дела.

Регион	Преподавание музейного дела	Музей	Организации, связанные с музеями	Правительственные структуры
Африка	1	4	1	2
Латинская Америка	6	9	3	4
Северная Америка	6	12	1	0
Арабские страны	0	0	0	0
Азия	7	8	0	1
Восточная Европа	8	9	4	2
Западная Европа	10	32	8	1
Океания	2	2	0	0
Всего	40	76	17	10

Табл. № 7. Профессиональная принадлежность участников работы симпозиумов ИКОФОМ 1977 – 1989 гг. на момент их участия.

Регион	Члены комитета		Те, кто принимал активное участие в работе симпозиумов	
	женщины	мужчины	женщины	мужчины
Африка	4	96	0	100
Латинская Америка	74	26	73	27
Северная Америка	49	51	35	65
Арабские страны	17	83	0	100
Азия	30	70	21	79
Восточная Европа	6	94	22	78
Западная Европа	51	49	29	71
Океания	22	78	40	60
Всего	49	51	36	64

Табл. № 8. Распределение членов ИКОФОМ и тех, кто принимал активное участие в работе его симпозиумов по гендерному признаку (в %) за 1977 – 1989 гг.

Примерно треть всех участников симпозиумов составляли женщины, при том, что среди членов комитета их была примерно половина. Однако распределение по гендерному признаку будет разным для разных континентов. В общих чертах и здесь состав ИКОФОМ

отражает общую ситуацию в ИКОМ⁴⁹. Преобладание в профессии женщин характерно для Латинской Америки. Степень их активного участия в работе ИКОФОМ соответствует их числу среди членов комитета. Для Западной Европы и Северной Америки характерны примерно одинаковые показатели по количеству мужчин и женщин среди членов ИКОФОМ, при этом разница в степени их участия в работе комитета еще нуждается в объяснении. Есть некоторые любопытные параллели между тем, как представлены женщины в публикациях комитета и их участием в других формах его деятельности. Например, треть членов совета ИКОФОМ за период с 1977 по 1989 гг. – женщины. Кроме того, женщины составляют треть членов «ядра» комитета (см. ниже).

Только для 30 % активных участников один из официальных языков конференций был родным (для 17 % – английский, для 13 % – французский). Для 10 % участников, выходцев из бывших колоний, английский или французский был вторым (или даже, возможно, первым). Для 60 % авторов ситуация была иной. Им приходилось или прибегать к услугам профессиональных переводчиков (как правило, незнакомых с музеологической терминологией), или же переводить свои тексты самим. Это вызывало критику со стороны носителей языков, жаловавшихся на качество представляемых текстов (Bursaw 1983: 18; Hodge 1983: 59; De Varine 1986: 72). В соответствии с пожеланиями большинства участников, для которых ни один из официальных языков не был родным, основным языком был выбран английский. Это соответствовало языковым предпочтениям членов ИКОМ. В 1989 г. 73 % членов совета предпочитали английский, 21 % – французский и 6 % – испанский. Положение испанского как одного из официальных языков ИКОМ широко обсуждалось⁵⁰. Число членов комитета и авторов, говорящих на испанском, росло и в ИКОФОМ, и вскоре им уже потребовалось публиковаться на родном языке⁵¹. Так с 1991 г. региональная рабочая группа (ИКОФОМ-ЛАМ) начала выпускать испано-португальское издание «Новостей музеологии».

Ядро ИКОФОМ

Трудно найти критерии, по которым можно было бы определить самых влиятельных членов ИКОФОМ. Совет комитета продолжает играть важную роль как своеобразный «мозговой трест». Неслучайно, что многие члены совета принадлежат к числу активнейших участников работы комитета. С количественной точки зрения состав совета не отражает положения в самом комитете. Так было с самого начала. Самое «драматическое» различие касается представителей Восточной Европы. Три из тринадцати, избранных в 1986 г., членов совета были восточноевропейцами, при том, что в самом комитете из этой части мира происходило только 3 % членов. С другой стороны, увеличение числа членов комитета из Латинской Америки не повлияло на состав совета. В 1986 г. в совет входил только один представитель этого региона. Большинство членов совета (7 человек) пред-

⁴⁹ Данные по ИКОМ (предоставлены секретариатом совета): Африка – 23 % женщин, Латинская Америка и Карибы – 71 %, Северная Америка – 57 %, Азия и Океания – 49 %, Европа – 48 %. Общий показатель для женщин – 50 %.

⁵⁰ Генеральная ассамблея в 1986 и 1989 гг. принимала резолюции, обращенные к Исполнительному совету, с просьбой принять все возможные меры для того, чтобы испанский был включен в число рабочих языков ИКОМ.

⁵¹ В результате увеличения численности бразильских членов, число членов комитета, говорящих на бразильском, оказалось больше, чем число тех, для кого родным был испанский.

ставляли Западную Европу. Если сравнивать состав четырех советов, избравшихся на протяжении 1977 – 1989 гг., то можно отметить постепенный сдвиг от по-преимуществу социалистического и франкоязычного совета к западноевропейскому и англоговорящему его составу.

Кроме членства в совете, в качестве еще одного критерия можно предложить степень вовлеченности в работу комитета. Предлагается следующая (хотя, конечно, и произвольная) система:

- Участие в публикациях: по количеству симпозиумов (максимально – 8 баллов);
- Участие в ежегодных конференциях: по числу конференций (максимально – 7 баллов);
- Специальные обязанности во время симпозиумов, такие, как ведущий дискуссии, или ответственный за составление резюме представленных материалов и подготовку итогового заключения (максимально – 2 балла);
- Участие в специальных встречах ИКОФОМ (максимально – 3 балла);
- Членство в совете: как председатель (3 балла), на одной из прочих должностей (2 балла), как рядовой член совета (1 балл), переизбрание на должность (плюс 1 балл);
- Участие в деятельности вне ИКОФОМ (1 балл).

Максимальное число баллов равняется 25. На основании таких подсчетов, может быть выделена группа из 12 членов ИКОФОМ, являющихся ядром комитета, т.е. тех, чья работы за 1983 – 1989 гг. была наиболее активной:

- Винош Софка (Швеция) – 25
- Петер ван Менш (Нидерланды) – 23
- Матильда Беллаге (Франция) – 22
- Томислав Шола (Югославия) – 22
- Джудит Шпильбауер (США) – 20
- Андре Девалье (Франция) – 19
- Клаус Шрайнер (ГДР) – 19
- Збынек Странский (Чехословакия) – 16
- Росарио Каррильо (Испания) – 15
- Евлалия Морраль (Испания) – 14
- Андреас Гроте (ФРГ) – 13
- Флора Каплан (США) – 12

Включая 10 европейцев (семерых из Западной и троих из Восточной Европы), состав этого ядра комитета отражает европоцентризм музеологического дискурса (см. пред. главу).

Итоговые замечания

История ИКОФОМ отражает историю музеологии как академической дисциплины. 1970-е гг. были временем разрыва музеологии с профильными науками. Этот процесс эмансипации виден при сравнении первой и третьей трехгодичных программ ИКОФОМ. Если темы первого симпозиума были связаны с проблемой определения места, которое занимают в музее профильные исследования, то в третьей программе темы уже в большей степени формулировались с точки зрения самой музеологии, исходя из взаимосвязи

трех базовых для нее параметров: предмета, музея и общества. Во время осуществления второй трехгодичной программы, работа комитета как международного форума для дискуссий по музеологии способствовала проявлению фундаментальных отличий, существующих в подходе к проблеме двух школ, одну из которых представляли музеологи из Франции и Канады (Квебека), а другую – ученые из Чехословакии и ГДР. Решение комитета сконцентрироваться на определении когнитивной ориентации музеологии (направление работы, которое отстаивали музеологи из Восточной Европы), а не на той программе, что предлагалась канадско-французской группой, привело к основанию в 1985 г. Международного движения за новую музеологию.

Заинтересованность восточноевропейских музеологов в работе комитета, а также основное направление его работы, выбранное в конце второго трехгодичного периода, все еще отражаются в композиции рабочего ядра ИКОФОМ, его совета и различиях между формальным членством и реальным участием в работе комитета. Восточноевропейцы имели очень высокие показатели по членству в совете и реальному участию в работе ИКОФОМ. В 1983 – 1989 гг. их участие в работе ИКОФОМ вступило в стадию стагнации. В то же время, возросло участие музеологов из других частей света. Конференция в Буэнос-Айресе в 1986 г. отметила возросший интерес к работе комитета со стороны музеологов третьего мира, особенно – Латинской Америки. Как следствие этого, основная перспектива работы ИКОФОМ сместилась с обсуждения академических предпосылок музеологии в сторону дискуссий о социальной значимости музеев и музеологии. В некоторой степени это вызвало и возрождение интереса к программной ориентации музеологии, негативно сказавшись на глубине изучения структуры музеологии как науки.

Анализируя литературу по музеологии (особенно «Рабочие бумаги»), Линн Тизер пришла к выводу, что одна из основных трудностей в развитии музеологии заключается в том, что авторы, высказывавшиеся на предлагаемые комитетом темы, в очень разной степени знакомы с самой этой дисциплиной. Одни из них многие годы находятся в авангарде музеологической мысли, в то время как другие лишь недавно обратились к рассматриваемым темам и незнакомы с тем, что уже было написано теоретиками по тому или иному вопросу (Teather 1983). С учетом того значения, которое придавалось теории музеологии в странах Восточной Европы, неудивительно, что восточноевропейские музеологи играли важную роль в работе комитета. Во втором выпуске «Рабочих бумаг» Дж. Баркоу выказал обеспокоенность тем влиянием, которое имеют в ИКОФОМ музеологи из социалистических стран⁵². Особенно сильным (и при выборе тем и даже при выборе самого названия для журнала) ему казалось чешское влияние, приписываемое З. Странскому. Хотя его очевидный страх перед социалистическим господством в музеологическом дискурсе может

⁵² MuWoP 2: 29-30 и 83-84. Эти же идеи он повторил и в своем докладе на симпозиуме 1983 г. по «Методологии музеологии и профессиональной подготовки». В комментариях на MuWoP 1, опубликованных в MuWoP 2, он обращал внимание на то, что половина авторов первого выпуска «Рабочих бумаг» были выходцами из Центральной и Восточной Европы (т.е. из стран социалистического лагеря). Как показал В. Софка в комментарии на комментарий Баркоу, эти подсчеты неверны (MuWoP 2: 83). Только 5 из 15 статей были написаны авторами из Восточной Европы. С другой стороны, и в самой Восточной Европе вклад музеологов отсюда нередко преувеличивался (см., напр., слова А. М. Разгона в Herbst & Levykin 1988; Grampp et al. 1988). Кроме того, что А. М. Разгон не упоминает о дискуссиях, проходивших в ИКОФОМ после 1982 г., он дает весьма неполную выборку из числа ключевых фигур, участвовавших в музеологических дискуссиях (Й. Бенеш, В. Энненбах, В. Глузинский, А. Грегорова, И. Ян, А. М. Разгон, З. Странский).

быть был преувеличен, но наблюдение относительно того, что «для представителей социалистических стран предлагаемая тема (Является ли музеология наукой) не представляет никакого затруднения ... в то время как участники из западных стран вынуждены растекаться мыслью по древу, избегать вопросов или же отвечать на них поверхностно», имело определенный смысл. В целом было очевидно отсутствие общего понимания участниками работы комитета его научных задач и нежелание переводить дискуссии на более высокий абстрактный уровень.

Предполагалось, что выход в свет «Рабочих бумаг» станет началом нового этапа в научной работе комитета. Оба симпозиума ИКОФОМ, проведенных до выхода в свет этого издания, и их материалы, опубликованные комитетом, оставались совершенно изолированными начинаниями. Они остались забытыми и (или) незамеченными. Возможно, одной из причин этого стало то, что большинство участников этих симпозиумов (Я. Елинек, В. Клаузевиц, Р. Киау и А. М. Разгон) прекратили участвовать в работе комитета к концу первого периода его истории (1983 г.).

Оба выпуска «Рабочих бумаг» продолжают активно использоваться и в работе комитета и за его пределами. На них постоянно ссылаются, они сохраняют свое значение, несмотря на безвременное прекращение издания этого журнала. Это вызвано двумя причинами: во-первых, этот журнал имел значительно более широкое распространение, во-вторых, многие его авторы продолжали регулярно участвовать в последующих конференциях ИКОФОМ. Из-за особой процедуры подготовки MuWoP (приглашения к участию рассылались всем национальным комитетам ИКОМ), в нем было представлено достаточно большое количество статей, авторы которых не являлись активными членами ИКОФОМ. Хотя это, как правило, не приводило к их дальнейшему регулярному участию в деятельности комитета, сама процедура привлекала внимание к его работе. Более того, информацию о выходе в свет «Рабочих бумаг» и рецензии на них опубликовали многие музейные журналы. «Рабочие бумаги» также отметили первый опыт заочного участия в деятельности ИКОФОМ группы «молодых» музеологов, интересующихся работой комитета. Некоторые из них со временем стали ключевыми фигурами в его работе. Всем этим можно объяснить тот факт, что и на последующих симпозиумах ИКОФОМ участники, как правило, ссылались не на какие-то более новые публикации комитета, а именно на выпуски «Рабочих бумаг».

«Серия исследований ИКОФОМ» распространялась в ограниченном масштабе, только среди самих участников дискуссий. Хотя выпуски обычно предназначались для заседаний, в них не было никакого заключительного анализа или обобщения с подведением итогов, которое могло бы стать отправной точкой для следующей дискуссии. Другими словами: между проводимыми дискуссиями не существовало преемственности. Каждая конференция закладывала новый фундамент, но не существовало никакой стратегии, позволявшей выстроить на нем дом. Более того, преемственности не существовало и в составе участников. Не было никакой структуры, которая бы позволила вводить новичков в суть уже ведущейся дискуссии. Это было одной из причин того, почему на каждом симпозиуме одни и те же суждения о теории музеологии повторялись снова и снова. В комментариях и аналитических разделах этот разнородный мнений объективно описывался, общие элементы прослеживались, но никакого их синтеза не получалось.

В 1968 г. Иржи Неуступный заметил: «Любопытно отметить, что авторы многих работ по музеологии или совсем не знают литературы по этой теме, или же знакомы с ней очень слабо. Кажется, что они так глубоко погружены в собственные размышления, что абсолютно не интересуются идеями и гипотезами других. Статьи и книги по музеологии часто отражают лишь собственные взгляды их авторов, попросту не берущих в расчет прочих публикаций по теме, при том, что они могли бы скорректировать или сделать более убедительными их собственные выводы. Хотя по музеологии уже написано множество книг и статей, на них редко ссылаются. Это верно и для публикаций, появляющихся в отдельных странах, и для тех книг, которые достигают международной аудитории. Отсылка к зарубежной литературе по музеологии вообще почти нет. Автор может рассуждать об общих проблемах музеологии, одинаково актуальных для нескольких стран или даже для всего мира, но при этом ограничиваться лишь собственными умозаключениями или, в лучшем случае, ссылаться на пару книг и статей, написанных на его родном языке. Ясно, что сотрудничество музеологов на международном уровне не может быть признано сколько-нибудь удовлетворительным. Проблема языкового барьера понятна, но едва ли она может служить оправданием, когда речь идет об основных мировых языках. Эта ситуация самым негативным образом влияет на музеологию, и множество публикаций по теме просто утрачивают большую часть своей ценности и полезности, а вместе с ними утраты несет и музеология как научная дисциплина» (Neustupný 1968: 14-15).

Печально это признавать, но и более чем двадцать лет спустя эти наблюдения все еще сохраняют свою актуальность. Не следует недооценивать значение языкового барьера. Влияние, оказанное «Рабочими бумагами», отчасти было связано с тем, что это издание вышло как билингва. Материалы, опубликованные в «Серии исследований ИКОФОМ», были в основном на английском языке. В обобщениях, аналитических обзорах и, особенно, в комментариях, редко упоминались франкоязычные работы. Более того, т.к. большинство авторов писало не на своем родном языке, доступность текстов иногда затруднялась качеством перевода.

Каковы бы ни были причины, но недостаток знакомства с литературой по музеологии – значительное препятствие для развития самой науки. Кроме того, в этой связи важно и следующее наблюдение В. Глузинского: «Характер музеологической продукции такого рода, что развитие музеологии напоминает не столько постепенное развитие позитивных наук, сколько развитие философии прошлого <...> Музеологические концепции как и философские системы – это единства, закрытые в своей тотальности. Системы не критикуют деталей других систем, им это просто не нужно: у каждой есть собственные изначальные допущения, из которых они и выводят собственные теоремы. Сходный метод принимается и при построении музеологических концепций: там всегда есть изначальные допущения, но, как правило, никогда нет критики. Хотя некоторые теории и представления изредка все же упоминаются, выбор их осуществляется на основании того, подходят ли они к авторской концепции. Эти представления не подвергаются никакой критике; теоремы и методы, с помощью которых они были выведены, не проверяются» (Gluzinski 1987: 118).

Фактически, несмотря на значительное количество работ, дискуссия по вопросам музеологии – это не настоящая дискуссия. Та или иная точка зрения редко анализируется или критикуется. Нечасто можно услышать комментарии, носящие полемический характер.

Из-за ограниченного распространения, «Серия исследований ИКОФОМ» редко упоминалась за пределами самого комитета. Исключение представляет работа Г. Мебиуса, написавшего рецензию на два выпуска «Рабочих бумаг» и восьмой том ISS для немецкого журнала «Музейное дело» («Museumkunde») (Mobius 1986). Комментируя конференцию в Загребе в 1985 г., он критиковал повторы, отсутствие единства и последовательности в двух томах «Рабочих бумаг», одним словом – отсутствие философско-теоретической дискуссии. Эти замечания отчасти несправедливы, т.к. времянка, в которой живет строитель, это не то же самое, что дом, который он строит. Опубликованные статьи следует рассматривать как сырой материал. Но Г. Мебиус все же прав, когда отмечает отсутствие систематического и исторического анализа отношения к копиям и их использованию (а именно проблема соотношения оригинала и воспроизведения была центральной для заградской конференции). Это наблюдение перекликается с замечанием З. Странского о том, что у музеологии нет исторического сознания. Еще одно замечание Г. Мебиуса также характерно для материалов, представляемых на симпозиумах ИКОФОМ: авторы мало ссылаются на идеи других ученых, особенно тех, что напрямую не связаны с музеологией. Например, в случае с симпозиумом 1985 г. кажется странным, что никто из авторов не упомянул в своих работах знаменитую работу Вальтера Беньямина «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости».

Несмотря на очевидное отсутствие серьезной дискуссии, рабочий метод, предложенный В. Софкой, позволил собрать богатый урожай самых разных представлений о когнитивной ориентации музеологии (т.е. о предмете ее познания), о программной ориентации (т.е. о целях познания), о структуре дисциплины и многих других аспектах ее идентичности как науки. Делать выбор между различными взглядами – никогда не входило в число задач, которые ставил перед собой ИКОФОМ. Планировавшееся систематическое изучение разнообразных подходов к проблеме так и не началось. Результаты первой попытки проанализировать множество существующих взглядов (в 1986 г.) не были опубликованы. Следующие главы данной работы предлагают подробное описание и анализ различных концепций, которые можно найти в публикациях комитета, а, значит, используют эти публикации именно так, как это и предполагалось их создателями: как ценный источник музеологической мысли.

Информация о главе

Автор: Петер ван Менш – Ph.D., профессор, директор международной магистерской программы по музеологии Академии Рейнварта (1998 – 2001, 2005 – 2010 гг.), президент Международного комитета по музеологии Международного совета музеев (1989 – 1993 гг.), Амстердам, Нидерланды, peter@menschmuseology.com

Заглавие: Международный комитет по музеологии.

Абстракт: Международный комитет по музеологии (ИКОФОМ) был основан в 1976 г. и стал третьим крупнейшим профильным комитетом при Международном совете музеев (ИКОМ). Он может рассматриваться в качестве центральной площадки для международных дискуссий по вопросам музеологии. В данной главе рассматривается деятельность комитета за первые десять лет его существования. На основании качественного и количественного анализа данных, связанных с такими двумя категориями, как 1) члены ИКОФОМ как таковые и 2) участники его работы в целом, предпринимается попытка определить профессиональный контекст, в котором проходят международные дискуссии по музеологии.

Ключевые слова: ИКОФОМ, Международный комитет по музеологии, музеология, Я. Елинек, В. Софка.

Information on chapter

Author: Peter van Mensch – Ph.D., Professor, Director of the International Master Degree Programme in Museology at the Reinwardt Academy (1998 – 2001, 2005 – 2010), President of the ICOM International Committee for Museology (1989 – 1993), Amsterdam, Netherlands, peter@menschmuseology.com

Title: International Committee for Museology.

Abstract: Founded in 1976 the International Committee for Museology (ICOFOM) has become the third largest international committee within the International Council of Museums (ICOM). The committee can be considered the main platform for international museological discussion. This chapter is devoted to the history of its creation and first 10 years of activity. On the basis of a quantitative and qualitative analysis of the populations of the ICOFOM membership as a whole, and the participants in ICOFOM activities in this chapter we try to define the professional context of the international museology discussion.

Key words: International Committee for Museology, ICOFOM, museology, J. Jelinek, V. Sofka.

Использованная литература

Auer, H. ed. (1989) *Museologie; neue Wege – neue Ziele. Bericht über ein internationales Symposium, veranstaltet von den ICOM-Nationalkomitees der Bundesrepublik Deutschland, Österreichs und der Schweiz vom 11. bis 14. Mai 1988 am Bodensee (Munich)*.

Burcaw, G.E. (1983) 'Basic paper', in: V. Sofka ed., *Methodology of museology and professional training. ICOFOM Study Series 1 (Stockholm)* 10-17.

Gluzinski, W. (1987) 'Remarks on the condition of museology in the light of its relation to developmental phenomena', in: V.Sofka ed., *Museology and museums. ICOFOM Study Series 12 (Stockholm 1987)* 109-119.

Grampp, H.D. et al. (1988) *Museologie und Museum. Kolloquium vom 17. bis 19. Mai 1988 in Berlin, veranstaltet vom Museum für Deutsche Geschichte Berlin und vom Staatlichen Historischen Museums Moskau. Beiträge und Mitteilungen des Museums für Deutsche Geschichte 15 (Berlin)*.

Herbst, W. & K.G.Levykin eds. (1988) *Museologie. Theoretische Grundlagen und Methodik der Arbeit in Geschichtsmuseen (Berlin)*.

Hodge, J. (1983) 'Basic paper', in: V. Sofka ed., *Methodology of museology and professional training. ICOFOM Study Series 1 (Stockholm)* 58-70.

Jelinek, J. (1964) 'The Moravian Museum', *Museum* 17 (1): 50-53.

Jelinek, J. (1969) 'The Anthropos Institute, Moravian Museum, Brno', *Museum* 22 (1): 1-4.

Jelinek, J. (1970) 'Collections and research', in: *Museum and research. Papers from the Eighth General Conference of ICOM, Cologne-Munich 29.7 – 9.8.1968 (Munich)* 45-50.

Mayrand, P. (1986) 'The new museology proclaimed', *Museum* (148): 200-201.

Mensch, P. van (1989) 'ICOFOM 1977-1983 and 1983-1989: some tendencies', *Museological News* (12): 43-48.

Möbius, H. (1986) 'Berichte zur neueren Museumsliteratur 1', *Museumskunde* 51 (2): 104-114.

Neustupný, J. (1968) *Museum and research (Prague)*.

Novotny, V.V. (1986) 'Introduction', in: V.V.Novotny & A.Mizerova eds., *Fossil man, new facts – new ideas. Papers in honour of Jan Jelinek's life anniversary (Brno) v-ix*.

Bernicka, R.M. (1985) 'Proces realizace a zkvalitnovani postgradualniho studia muzeologie na filozoficke fakulte UJEP v Brne', *Muzeologicke sesity – Supplementum 3*: 71-84.

Schneider, E. (1985) 'Specifické vzdelávání muzejních pracovníků a jeho usoustení v CSR', *Muzeologicke sesity – Supplementum 3*: 85-126.

Sofka, V. (1983) 'ICOFOM policy 1983', *Museological News* (4): 30-47.

Sofka, V. (1989) 'ICOM and ICOFOM, Wegbereiter der heutigen Museologie', in H.Auer ed., *Museologie; neue Wege – neue Ziele. Bericht über ein internationales Symposium, veranstaltet von den ICOM-*

Nationalkomitees der Bundesrepublik Deutschland, Österreichs und der Schweiz vom 11. bis 14. Mai 1988 am Bodensee (Munich) 62-78.

Sofka, V. (1992) 'ICOFOM: ten years of international search for the foundations of museology', Papers in Museology 1/Acta Universitatis Umensis 108 (Umea) 20-49.

Stránský, Z.Z. (1982) 'Die Herausbildung der Museologie in der Tschechoslowakei', Schriftenreihe des Instituts für Museumswesen (17): 1-26.

Stránský, Z.Z. (1989) 'ICOFOM 1977-1988', Museological News (12) : 83-87.

Stránský, Z.Z. (1990) 'Museologieausbildung in Brno/CSFR', Neue Museumskunde 33 (4): 292-299.

Varine, H. de (1986) 'Observations', in : V.Sofka ed., Museology and identity. ICOFOM Study Series 11 (Stockholm 1986) 71-72.